

УДК 159.9.072

Ульбиева Я.С., Посохова С.Т.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Содержание коллективной памяти о войне у представителей разных поколений Чеченской Республики

The Content of the Collective Memory of the War among Representatives
of Different Generations of the Chechen Republic

Аннотация

Статья посвящена изучению содержания коллективной памяти о войне представителей разных поколений Чеченской Республики на примере 178 человек в возрасте от 17 до 51 года. Для изучения содержания коллективной памяти разработана и апробирована анкета «Воспоминания о войне». Цель исследования заключалась в выявлении особенностей коллективной памяти о войне у чеченцев, родившихся после завершения активных боевых действий (информированных), и непосредственных свидетелей войны (очевидцев). Установлено, что объединяющим признаком для обеих групп стал эмоциональный характер воспоминаний, различия проявились в осознании включенности в войну.

Ключевые слова: война, очевидцы войны, информированные о войне, коллективная память, Чеченская Республика

Abstract

The article describes the content of the collective memory of the war in representatives of different age groups of the Chechen Republic in the sample of 178 people aged 12 to 51 years. To study the content of collective memory, the “Memories of the War” questionnaire was developed and probed. The purpose of the study was to identify the features of the collective memory about the war among Chechens born after the end of active fighting (informed about the war) and direct witnesses of the war (eyewitnesses). It has been established that the emotional nature of memories became a unifying feature for both groups, and the differences were manifested in the awareness of involvement in the war.

Keywords: the war, war eyewitnesses, informed about the war, the collective memory, the Chechen Republic

---

Введение

Тем, как устроена человеческая память и как она функционирует, интересовались еще древние ученые, в том числе Платон и Аристотель. Платон считал, что память похожа на восковую дощечку, таким образом, метафорично объясняя причины забывания и искажения воспоминаний, приводил внешней причиной их искажения письменную фиксацию

информации (Платон, 1993, с. 210). Аристотель в своем трактате «О памяти и припоминании» указывает на то, что воспоминание запускается исключительно от воздействия внешнего раздражителя, и характер этого воздействия определяет, в каком ключе и интенсивности пойдет путь рассуждения, направленный на восстановление в душе образов прошлого (Аристотель, 1976, с. 53-55).

Идея коллективной памяти пользуется большим вниманием в самых разных областях науки: психологии, истории, социологии, философии, культурологии. Современное, известное нам понятие «коллективная память», возникло в науке только во второй половине XX века. Этот вопрос в своих трудах активно затрагивали многие видные ученые: Э. Дюркгейм, М. Хальбвакс, П. Нора, Дж. Олик, Я. Ассман, А. Ассман, К. Мангейм, Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, О.Р. Тучина, З. Сикевич.

По-настоящему глубоко исследованием понятий индивидуальной и исторической памяти начали заниматься в 1920-1930 годы Морис Хальбвакс во Франции и Фредерик Бартлетт в Великобритании. Хальбвакс пишет о том, что «существует коллективная память и социальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» (Хальбвакс, 2007, с. 28-29). Согласно его теории, человек не способен помнить отстраненно и независимо, так как его память не существует вне контекста социума. Действительно, например, те же детские воспоминания наполняются рассказами родителей и других членов семьи, сверстников, и уже совсем невозможно дифференцировать, где истинные воспоминания человека, пережитые им непосредственно, а где он реконструирует усвоенную им информацию о себе извне, выдавая их за аутентичные воспоминания. Получается, что с самого рождения индивидуальные воспоминания невозможны без участия социальных рамок. О важности роли коллективной

памяти в картине жизненного пути личности говорил И.А. Трегубенко (Трегубенко, 2012).

Дж. Олик указывает на то, что коллективная память социальна и для ее изучения требуется междисциплинарный подход (Олик, 2018). Ученый склонен считать, что в изучении памяти психология исходит из индивидуальных предпосылок памяти. История же, напротив, сводит все к объективизации фактов, и историки рассматривают память как индивидуальное воспоминание. Между тем коллективная память – понятие намного более объемное. В данном случае уместно процитировать Дж. Олика: «Я бы также сказал, что историки часто используют слишком простой подход к памяти и рассматривают ее как индивидуальное воспоминание, в то время как коллективная память в большей мере имеет отношение к историческому наследию, культуре и широкому ряду символов» (Олик, 2018, с. 10).

Л.С. Выготский также отмечает, что память социальна и несоциальной быть не может (Емельянова, 2019, с. 54).

Внимание общества неизменно обращается к прошлому в период нестабильности, масштабных экономических и социальных перемен или ситуации всеобщей неопределенности. Характер этой памяти и ее актуализации во многом влияет на социально-психологическое состояние людей вплоть до кризиса идентичности и глобального переосмысления ценностей. Факты прошлого, наполненные гордостью, неизменно пойдут в копилку формирования нравственного стандарта как у самих потомков, так и для воспитания их детей. В то время как факты, воспринимаемые группой как позорные, будут нести характер травмы, вытесняться, либо трактоваться, как несправедливые и требующие возмездия.

Коллективная память, которая фигурирует в чеченской молодежной среде, имеет трагическую окрашенность еще с начала XIX века (Бердяев, 1932; Погожев, 1910; Сикевич, 2017). Бесспорно, что молодежь Чечни

восхищается доблестью национальных героев, отличившихся отвагой и бесстрашием в бою, и особенно болезненно вспоминает годы депортации чеченцев и ингушей. Особенно сильные эмоции несет в себе коллективная память чеченцев, связанная с военными кампаниями 1994-2009 годов.

Рассмотрим содержание коллективной памяти в контексте субъективного восприятия событий представителями Чеченской Республики разного возраста. Показатель возраста, по сути, отразил разную степень вовлеченности в войну людей, родившихся после активных боевых действий, и очевидцев военных событий в Чечне, относящихся к людям более старшего поколения. Эта проблема недостаточно полно разработана в этнопсихологии и требует специального исследования, так как от ее решения во многом зависит регуляция социальной активности молодого поколения.

Цель исследования – выявить особенности коллективной памяти о войне в Чечне 1994-2009 годов у информированных и очевидцев боевых действий.

Гипотеза исследования – существуют общие и специфические признаки в содержании коллективной памяти о войне у представителей Чечни с разной степенью включенности в войну.

Предмет исследования – содержание коллективной памяти у представителей разных поколений Чеченской Республики.

Объект исследования – информированные и очевидцы военных действий в Чечне 1994-2009 годов.

Организация и методы исследования

Выборка

Исследование проводилось в Чеченской Республике с привлечением 178 человек: 99 человек женского пола (55,6%) и 79 мужского (44,4%). Общая выборка была распределена на две группы в зависимости от возраста. Возраст стал показателем вовлеченности в военные события, и участники

исследования были условно обозначены как «информированные» и «очевидцы». Информированные – молодые люди, родившиеся после активных боевых действий (120 человек в возрасте от 17 до 24 лет). Очевидцы – люди старшего поколения, ставшие непосредственными свидетелями военных событий первой и второй чеченских военных кампаний 1994-2009 гг. (58 человек в возрасте от 25 лет до 51 года).

Информированные представлены в составе 70 мужчин (58,3%) и 50 женщин (41,7%). В этой выборке имеют среднее образование 87,5%, среднее профессиональное – 3,3%, незаконченное высшее образование – 4,2% и высшее – 5%. Преобладающее большинство информированных обучаются – 85,8%, работают и получают образование – 11,7%, и лишь 1,7% работают и 0,8% занимаются домашним хозяйством. Лишь 3,3% из этой выборки реализовались в браке, остальные 96,7% из числа информированных не состоят в браке.

Очевидцы представлены 29 женщинами (50%) и 29 мужчинами (50%). Большая часть представителей этой группы имеют высшее образование – 82,8%, среднее образование – 10,3%, среднее профессиональное и незаконченное высшее – 1,7% и 5,2%, соответственно. 70,7% из этой выборки работают, 19% занимаются домашним хозяйством, а учатся и работают – 10,3%. Больше половины респондентов из числа очевидцев состоят в браке – 60,3%, остальные 39,7% в браке не состоят.

Опрос был проведен в онлайн формате, респонденты заполняли гугл-форму. Перед тем, как приступить к заполнению анкеты, испытуемые получали устную инструкцию. В процессе исследования, еще в пилотной версии анкетирования, большинство первых участников проявили нежелание указывать свои настоящие имена, после чего анкета была скорректирована так, чтобы можно было указать псевдоним. Время заполнения методик составило 30-35 минут. Сбор данных производился с июня по август 2021 года.

Методы

Специально была разработана и использована методика для выявления содержания коллективной памяти – автобиографическая анкета «Воспоминания о войне», позволяющая раскрыть содержание коллективной памяти. Показателями коллективной памяти служили «возраст», «количество потерь на войне», «упоминания в семье о войне», «включенность в войну», «даты, связанные с войной», «внешний фокус в оценке войны» и «внутренний фокус в оценке войны».

Для выявления надежности полученных результатов и взаимосвязей показателей использовались методы статистического анализа: методы вариационной статистики, U-критерий Манна-Уитни, коэффициент корреляции Пирсона (Наследов, 2004) и метод контент-анализа (Чикер, 2010).

Результаты исследования

Сравнение по показателям, характеризующим коллективную память, продемонстрировало сходство и различия в содержании памяти о войне в группах информированных и очевидцев (таблица 1).

Таблица 1 – Показатели коллективной памяти о войне среди информированных и очевидцев

Показатели	Среднегрупповые значения, стандартное отклонение, баллы	
	Информированные	Очевидцы
Упоминания о войне в семье	2,85±0,92	2,95±0,93
Внешний фокус в оценке войны	0,84±1,18	0,91±1,33
Включенность в войну	6,38±4,27***	10,41±4,42
Внутренний фокус в оценке войны	3,01±2,43*	3,50±2,77
Количество потерь на войне	0,67±1,11***	1,16±1,59
Даты, связанные с войной	0,88±1,70**	1,36±2,38
Количество эмоций, связанных с войной	0,54±0,86***	1,43±0,88

Примечание: статистически достоверные различия между группами: * – при $p \leq 0,05$; ** – при $p \leq 0,01$; *** – при $p \leq 0,001$.

Результаты, представленные в таблице 1, показывают, что информированных и очевидцев объединяют упоминания о войне в семье. Сходство также проявляется в том, что информированные и очевидцы придерживаются одной позиции внешнего фокуса в оценке войны.

Согласно полученным результатам, показатели коллективной памяти существенно различаются у информированных и очевидцев. Меньшая степень включенности в войну у информированных логично объясняется критерием деления выборок – возрастом. Очевидцы больше включены в войну, выступают в качестве свидетелей и участников боевых действий. Внутренний фокус в оценке войны у информированных ниже, чем у очевидцев, которые склонны нести больше ответственности за прошедшие события.

Такой показатель коллективной памяти, как количество потерь, у информированных и очевидцев также различается. Молодые люди, в лице информированных, являются лишь носителями коллективной памяти о войне и способны назвать меньше личных потерь, чем прямые свидетели войны. Информированные демонстрируют меньшую эмоциональность в отношении военных событий, в отличие от очевидцев, которые проявляют больше эмоциональных переживаний.

По результатам контент-анализа были выделены интегральные характеристики содержания коллективной памяти о войне: деструктивная эмоциональность, деструктивная рациональность, конструктивность и вытеснение. Конкретная наполненность каждой характеристики представлена следующим образом:

1) деструктивная эмоциональность – демонстрирует описание войны с позиции сильного эмоционального переживания с резкой негативной окраской, при этом чаще всего указывались: «ужас», «смерть», «страшно», «боль», «рана», «страдания», «трагедия» и т.д.;

2) деструктивная рациональность – ассоциации без ярко выраженной эмоциональной окраски, однако демонстрирующие конкретные характеристики и результаты военных действий: «потери», «конфликт», «разрушения», «нарушения мира», «перестрелки», «безответственность» и т.д.;

3) конструктивность – категория ассоциаций, которая носит прагматический характер и раскрывает войну как возможность: «возможность отстоять независимость», «возможность стать сильнее», «препятствие, чтобы преодолеть», «битва ради народа», «разрешение внутреннего конфликта», «интересное время», «ответная реакция на притеснение» и т.д.;

4) вытеснение – представляет собой ответы, в которых респонденты отказывались высказываться о событиях или изъявляли нежелание говорить из-за травматичности актуализации в памяти военных событий.

Сопоставление указанных характеристик показало, что группа информированных в коллективной памяти о войне демонстрирует преобладание деструктивной эмоциональности, указывая большое количество негативных ассоциаций – 69,9% от общего числа ассоциаций; утверждения категории деструктивной рациональности составили 18,7%, а конструктивность и вытеснение – 4,9% и 6,5% соответственно. Молодые люди данной категории лично не были участниками военных событий, но, очевидно, транслировали эмоциональные переживания более старшего поколения, отсюда такое количество негативных эмоциональных откликов.

Схожая картина в субъективной оценке войны наблюдается у очевидцев. Деструктивная эмоциональность в этой группе составила 64%. Деструктивная рациональность представлена 27,9%. Как и в группе информированных, очевидцы демонстрируют низкий процент конструктивного отношения к войне – 8,1%, и у них же практически не представлено вытеснение.

В отношении затронувших во время войны событий преобладающее число информированных демонстрируют вытеснение – 74,2%. Некоторое количество респондентов из этого числа все же смогли назвать затронувшие события и, что примечательно, ассоциации представляют собой категорию личной причастности к событиям войны – 19,2%, то есть, это не просто события, происходившие с народом и Родиной, это события, непосредственно коснувшиеся участника. В этом проявляется феномен исторической памяти – воспроизведение событий с эмоциональной вовлеченностью вопреки тому, что непосредственным участником прошедших событий человек не являлся, но имеет убежденность, что эти воспоминания принадлежат ему. События экстернального локуса в группе информированных составляют 6,7%. В отношении потерь, понесенных на войне, информированные также склонны к вытеснению – 69,2%. При этом чаще указываются человеческие потери – 28,3% ответов и только 2,5% утверждений указывали на материальные потери.

Молодежь из числа информированных, казалось бы, не должна воспроизводить какие-либо события. Однако некоторые респонденты демонстрировали ассоциации из категории личной причастности к событиям войны – 11,6%. Это яркое свидетельство того, как актуализируется коллективная память – воспоминания, воспроизведенные подобным образом, вызывают переживания такие же тяжелые и болезненные, как личные.

В целом, очевидцы демонстрируют больше желания говорить о войне, чем информированные, и описывают ее многословно и развернуто.

Коллективная память очевидцев о войне представлена следующим соотношением: деструктивная эмоциональность – 61,7%, деструктивная рациональность – 22,2%, конструктивность – 13,6% и вытеснение – 2,5%. Повторяющаяся тенденция в ответах информированных и очевидцев является свидетельством достоверности ответов участников исследования и демонстрацией искренних чувств и убеждений. Сходство распределения

категорий ассоциаций говорит о наличии объединяющего фактора – коллективной памяти, которая позволяет каждой выборке – информированных и очевидцев – полноценно оценивать события прошедшей войны.

Очевидцы, в отличие от информированных, меньше всего вытесняют затронувшие события во время войны – 14,1%, зато преобладающая часть утверждений – 59% – отражает их личную причастность к событиям. Ведь очевидцы – это действительные свидетели и участники военных действий. Показательно, что кому-то даже спустя почти 20 лет трудно поднимать из глубин памяти события тех лет, о чем свидетельствует категория вытеснения. Очевидцы демонстрируют осведомленность в событиях, касавшихся не только их лично, но и происходивших в различных частях Чечни: осада отдельных сел, зачистки, штурмы и обстрелы – 26,9%.

Преобладающее число очевидцев указывают на человеческие потери – 61,4%. Вытеснение, не свойственное очевидцам, как это было показано выше, представлено большим соотношением – 30,1%. Это может быть связано с нежеланием актуализировать болезненные воспоминания, либо с тенденцией народа к стойкости, взывать к мужеству при трагических событиях и переживать их в состоянии эмоциональной депривации, что позиционируется как достоинство. Отсюда выражения в ответах: «потери у всех были», «как и у всех», «их слишком много». Из всех утверждений очевидцев только 8,4% потерь были обозначены как материальные.

Результаты корреляционного анализа позволяют раскрыть структурные особенности коллективной памяти в группе информированных и очевидцев. Согласно полученным данным, наиболее интегрированным показателем в группе информированных является «количество потерь на войне», характеризующий эмоциональный аспект памяти. Этот показатель взаимосвязан с показателями упоминания о войне в семье ($r=0,221$), включенности в войну ($r=0,205$) и внешнего фокуса на войну ($r=-0,223$). Источником исторической памяти информированных о войне, как правило,

выступает семья, а включенность в войну характеризуется теми, кто находился в Чечне во время боевых действий. Количество потерь отрицательно коррелирует с показателем внешнего фокуса оценки войны, в то время как по общей выборке количество потерь было связано с внутренним фокусом в оценке войны. Это различие может объясняться возрастной градацией в группе респондентов из числа информированных.

В корреляционном анализе содержания памяти о войне среди очевидцев наиболее интегрированным показателем выступает «включенность в войну», который коррелирует с показателями «даты, связанные с войной» ($r=0,287$) и «количество потерь на войне» ($r=0,315$). Показатель количества потерь на войне положительно коррелирует с количеством грустных событий ($r=0,362$). Возможно, очевидцы, испытавшие негативные эмоции на войне, способны отмечать больше грустных событий и в настоящем, и будущем.

Обсуждение результатов исследования

Результаты исследования позволили развернуто увидеть содержание коллективной памяти о войне, взаимосвязь ее компонентов: реальной памяти, эмоциональной памяти о войне, частоты упоминания в семье и оценки войны с выделением внешнего и внутреннего локуса.

Подтвердилась гипотеза о сходстве в содержании исторической памяти у представителей разных поколений Чечни. Информированные и очевидцы, участвовавшие в исследовании, рассматривают чеченские войны 1994-2009 гг. как, безусловно, разрушительное явление, демонстрируют схожие эмоции в описании своего отношения к войне. Это является ярким свидетельством механизма коллективной памяти – события, произошедшие до рождения участников исследования из числа информированных, объединяют их с возрастной группой очевидцев в схожих эмоциональных переживаниях независимо от срока давности войны в Чеченской Республике.

Это согласуется с утверждениями М. Хальвбакса, Дж. Олика и Л.С. Выготского о социальном характере коллективной памяти.

Результаты сравнительного анализа позволяют утверждать о схожей тенденции содержания коллективной памяти о войне в группах информированных и очевидцев. Различия в эмоциональной оценке войны очевидцев и информированных, которые осведомлены о войне посредством коллективной памяти, незначительны. Важно то, что спустя столько лет военные события все еще эмоционально переживаются, причем одинаково болезненно при разной степени включенности в войну.

Научная значимость работы заключается в исследовании сходства в проявлении коллективной памяти о войне у представителей разных поколений Чеченской Республики. Очевидно, что коллективная память существует неотрывно от экзистенциального опыта личности. О.Р. Тучина приводит доводы в пользу того, что между «экзистенциальным опытом» и «коллективной памятью» есть определенное сходство, они в равной степени призваны закреплять способы мышления, чувства и опыт (Тучина, 2016). Экзистенциальный опыт, как и коллективная память, существует в контексте повседневного бытия личности, затрагивает ее прошлое и будущее, отражает социальное и культурное пространство, в котором живет человек.

Разработанная анкета может быть использована при проведении психопрофилактических мероприятий в образовательных учреждениях Чеченской Республики.

Выводы

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы:

1) Отношение к войне представителей Чеченской Республики связано со степенью вовлеченности в военные события. Информированные – молодые люди в возрасте от 17 до 24 лет – склонны называть меньше потерь на войне и дат, связанных с войной, они демонстрируют меньшую

эмоциональность в оценке войны, чем очевидцы. Информированным свойственен социальный оптимизм, и они эпизодически обращаются к травмирующему военному прошлому. Источником коллективной памяти информированных о войне выступает семья, транслирующая подрастающему поколению содержание социальных событий.

2) Информированным и очевидцам свойственны схожие сильные эмоциональные переживания в воспоминаниях о войне в Чеченской Республике, что подчеркивает социальный характер коллективной памяти.

3) У очевидцев в возрасте 25-51 год превалирует осознание включенности в войну, они обладают большей эмоциональной памятью о войне и склонны к автобиографическим воспоминаниям.

Список использованных источников

- Аристотель. О памяти и припоминании // Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. М., Мысль, 1976. Т. 4. С. 53-55.
- Бердяев С. Чечня и разбойникъ Зелымханъ (Из далеких воспоминаний). Париж, 1932. 68 с.
- Емельянова Т.П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М., Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. 299 с.
- Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. Учебное пособие. СПб., Речь, 2004. 392 с.
- Память – это не вещь и не предмет. Память – это непрерывный процесс. Интервью с Дж.К. Оликом // Историческая экспертиза, 2018. № 4(17). С. 11-21.
- Платон. Теэтет / Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М., Мысль, 1993. Т. 2. С. 192-274.
- Погожев В.П. Кавказские очерки. СПб., 1910. 131 с.
- Сикевич З.В. Этническая идентичность русских и чеченцев в контексте исторической памяти (сравнительный анализ) // Власть, 2017. Т. 25. № 2. С. 122-129.
- Трегубенко И.А. Историческая память в контексте субъективной картины жизненного пути личности: дис. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург, 2012. 219 с.
- Тучина О.Р. Исторический опыт в контексте экзистенциального опыта личности // Научные труды Кубанского государственного университета, 2016. № 6. С. 321-333.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., Новое издательство, 2007. 348 с.
- Чикер В.А. Методология и методы социально-психологических исследований. Учебное пособие. СПб., 2010. 136 с.

References

- Aristotel'. O pamiati i pripominanii [About memory and recollection] / Aristotel'. Sobranie sochinenii: v 4 t. Moscow, Mysl' Publ., 1976. Vol. 4. Pp. 53-55. (In Russian)
- Berdiaev S. Chechnia i razboinik" Zelimkhan" (Iz dalekikh vospominanii) [Chechnya and the robber Zelimkhan (From distant memories)]. Parizh, 1932. 68 p. (In Russian)
- Emel'ianova T.P. Kollektivnaia pamiat' o sobytiakh otechestvennoi istorii: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod [Collective memory of the events of national history: a socio-psychological approach]. Moscow, IP RAS Publ., 2019. 299 p. (In Russian)
- Nasledov A.D. Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniia. Analiz i interpretatsiia dannykh [Mathematical methods of psychological research. Data analysis and interpretation]. Uchebnoe posobie. St. Petersburg, Rech' Publ., 2004. 392 p. (In Russian)
- Pamiat' – eto ne veshch' i ne predmet. Pamiat' – eto nepreryvnyi protsess. Interv'iu s Dzh.K. Olikom [Memory is not a thing or an object. Memory is a continuous process. Interview with J.K. Olick] // Istoricheskaia ekspertiza, 2018. No. 4. Pp. 11-21. (In Russian)
- Platon. Teetet [Theaetetus] / Platon. Sobranie sochinenii: v 4 t. Moscow, Mysl' Publ., 1993. Vol. 2. Pp. 192-274. (In Russian)
- Pogozhev V.P. Kavkazskie ocherki [Caucasian essays]. St. Petersburg, 1910. 131 p. (In Russian)
- Sikevich Z.V. Etnicheskaia identichnost' russkikh i chechentsev v kontekste istoricheskoi pamiati (sravnitel'nyi analiz) [Ethnic Identity of Russians and Chechens in the Context of Historical Memory (Comparative Analysis)] // Vlast', 2017. Vol. 25. No. 2. Pp. 122-129. (In Russian)
- Tregubenko I.A. Istoricheskaia pamiat' v kontekste sub"ektivnoi kartiny zhiznennogo puti lichnosti [Historical memory in the context of a subjective picture of a person's life path]: dis. ... kand. psikhol. nauk. St. Petersburg, 2012. 219 p. (In Russian)
- Tuchina O.R. Istoricheskii opyt v kontekste ekzistsentsial'nogo opyta lichnosti [Historical experience in the context of the existential experience of the individual] // Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016. No. 6. Pp. 321-333. (In Russian)
- Khal'bvaks M. Sotsial'nye ramki pamiati [Social framework of memory]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007. 348 p. (In Russian)
- Chiker V.A. Metodologiya i metody sotsial'no-psikhologicheskikh issledovaniy [Methodology and methods of socio-psychological research]. Uchebnoe posobie. St. Petersburg, 2010. 136 p. (In Russian)